

«В чистом поле цветет аленький цветочек...»

Эстетическая функция фитонимов в народных лирических песнях

© Ю.А. КОЖАЕВА

В статье рассматриваются примеры употребления в русских народных лирических песнях фитонимов, выражающих общую эстетическую оценку. Различные элементы растительного мира в русской любовной лирике занимают особое место и отражают народные представления о красоте.

Ключевые слова: любовная лирика, русский фольклор, фитонимы, эстетическая оценка.

DOI: 10.31857/S013161170003016-6

The article discusses examples of the use of phytonyms expressing a common aesthetic assessment in Russian folk lyric songs. Various elements of the plant world in Russian love lyrics occupy a special place and reflect the people's notions of beauty.

Keywords: love lyrics, Russian folklore, phytonyms, aesthetic evaluation.

На материале четвертого тома «Великорусских народных песен» А. И. Соболевского, в котором собрана значительная часть народной любовной лирики, рассматриваются фитонимы, выражающие эстетическую оценку.

Лексемы семантического поля «растительный мир», встречающиеся в текстах лирических русских песен, включают в себя наименования разнообразных цветов, деревьев, кустарников, плодов, и ягод: *аленький цветочек, береза, верба (вербочка), груша (грушица), дубок, зеленый виноград, калина / калинушка, крапива (крапивушка), лавровый цветочек, лазоревы цветочки, лен, малина (малинушка), малиновы листья, огурчики, ракитовы кусты, рябина (рябинушка), смородин-а/-ка, терен, хмелек, цветы, яблоня (яблонька), ягода, ягодки, ягодинка*. Сюда же относятся: *горочка, далинушка, долина, зеленый луг (лузи), зелен сад (садик), раздолье, рощица, трава, чистое поле (полюшко)* и др.

На иносказания и символы в лирической песне обращали внимание многие исследователи. Н.И. Костомаров, А.А. Потення, А.Н. Веселовский и многие современные ученые отмечают частое использование растительной поэтической символики в лирической песне. Н.П. Колпакова утверждает, что «иносказательность лирической песни — обычная примета стиля. Символика разнолика. Счастье, молодость, красота, здоровье передаются через образы сияющего Солнца, зари, свежего дерева, зрелых ягод; веселье, радость воссоздаются через изображение цветущего луга, гулянья по саду и пр.» [2]. Известно, что символика лирической песни берет свое начало из свадебной символики. «Из свадебных величаний песни усвоили формы поэтического изображения людского “пригожества”» [3].

В русских лирических любовных песнях особое место занимают различные элементы растительного мира, которые в той или иной степени отражают народные представления о красоте.

На образных примерах легко заметить, как любовно оценивается внешность возлюбленного или возлюбленной посредством сравнения с деревцем, ягодкой, цветком. Красота милой сравнивается с ягодой: «Ах ты, Грунюшка-Груняша, Груня, ягода моя!» [60]; «Красна девица ягодинка» [68]; «Дарьюшка свет Матвеевна, / Взгляни, радость, на меня: / Коль я хорош, коль я пригож, / Наливная ягодка, наливна сахарная!» [78]. Большинство женских флористических символов в лирической песне — это ягода, калина, малина, береза. Молодцу же в русской лирике отводятся символические образы мака, винограда, хмеля, дуба. Сравнение милого с цветком является едва ли не основным описанием красоты его лица, волос, одежды: «Во лугах, во полях цветы-то расцвели, / У моего-то у милого кудерушки завились» [41]; «На нем платье, на нем платье — что мак расцветает» [42]; «Тут вьется хмель-хмелек возвивается. / На суседов двор хмелек разстилается. / Как у молодца кудри завиваются» [73]; «В чистом поле цветет аленький цветок, / Он алеется, голубеется; / Цветок этот — миленький, возлюбленный дружок» [79]. Внешность милого сердцу молодца зачастую описывается через сказочный флористический образ — аленько-лазоревого цветка: «Мне сказали про милого, / Что худой да маленький. / Посмотрела я в окошко: / Как цветочек аленький» [50]; «Красоты в лице не можно оценить. / Его личико — белый снег, / Щечки — аленько-лазоревого цветка» [35].

Цветобозначения в фольклоре играют особую роль: «Прилагательные ‘белый’, ‘красный’, ‘зеленый’, ‘алый’, ‘сизый’, ‘лазоревого’ зачастую теряют цветовую определенность, выступая в функции оценочных слов» [4]. Лазоревым цветок называют безотносительно к его цвету, но как цветок яркой, нарядной окраски: «Лазоревы цветы непередаваемы в силу малой конкретности, расплывчатости образа» [5]. Дело в том, что «в словесном искусстве неопределенность — принципиальное свойство поэтического слова и является фактором эстетического порядка.

Наличие оценочной компоненты удовлетворяет постоянной тенденции фольклора к идеализации изображаемого мира» [4]. Об этом пишет и В.П. Аникин: «есть у всех необрядовых песен общие черты — идеализирующая типизация действительности. Идеализация создавала парящую над будничной затрапезностью декоративно-костюмированную и богато украшенную “вторую действительность”. <...> Песенные персонажи видят вечное цветение садов — “виноградов”, рощ и зеленых лугов... Система изображения во внеобрядовой песне идеализирует реальность, она доиндивидуальна... Поэтизация быта — важная стилистическая примета лирической песни» [3]. Идеализация как метод художественного обобщения, безусловно, свойственна фольклору. Особенно тяготеет к ней лирика. «В эстетике идеализация сходна с типизацией. В идеализации доминирует представление о должном. В классической эстетике идеализация чаще всего связана с возвышением позитивного момента, его одухотворением» [6].

Описание цветов, кустарников, деревьев — это некий камертон чувств и переживаний героев, который помогает выразить их настроение, передать определенное психологическое состояние радости или печали: «Ах, далеко-далече во чистом поле, / Еще того подале во раздолье, / Стояла тут белая береза, / Тонешенька, белешенька, кудревата. / Под тою ли под белою под березой, / Не сиз голуб с голубушкою воркует, — / Девушка с молодцем речь говорила» [100]. Дерево, символизирующее девушку, сохнет «с горя»: «Ой, у поля, ой, у поля рябина стояла. / Буен ветер рябину шатает, буен ветер рябину шатает: / Дробень дождик, дробень дождик рябинушку мочит. / Красно солнце, красно солнце рябинушку сушит... / Иван сударь Иванович в Москву отъезжает; / Он Марью свят Васильевну покидает» [42]. Традиционно за определенными фитонимами в фольклоре закрепилась негативная эстетическая оценка: «У ворот рябина стояла. / Не буен ветер рябину качает, / Не силен дождик рябинушку мочит, / Весной солнце всходило, рябину сушило...» [43].

Красочные параллелизмы с помощью фитонимов образно иллюстрируют расставание, разлуку, печаль. Это может быть сорванный цветок: «С горя и кручины, молода, / Я пойду да в зелены луга, / Я сорву со травушки цветок, / На головушку совью себе венок» [27]. Это может быть картина увядания, отсутствия зелени и цветения у дерева: «Ты грушица, грушица моя, / Грушица зелена, садова! / Да что ж ты не зелена стоишь, / Почто не лазорево цветешь? / — Да как мне зеленой быть, / Да как же мне лазорево цвести? / Со вершины солнышко печет, / Со кореня ключики бьют... Да стал меня милый забывать / Во чужой во дальней стороне, / А теперь покинул навсегда» [28]. Это может быть нежелание любоваться красотой природы, то есть потеря эстетического восприятия: «Во прекрасный сад в окошко не гляжу; / Мне не милы в саду розовы цветы, / Омерзели все ракитовы кусты, / Обвалились все малиновы листы... / Я не

вижу любезного своего» [36]; «Я без милого гулять не выхожу, / Во прекрасный сад в окошко не гляжу» [37].

В то же время зелень, цветение чаще всего ассоциируются с молодостью, красотой, любовью и счастьем, неся положительную эстетическую оценку: «Я при миленьком резва и весела, / А без милого — печальна и скучна... / Только весел в саду зелененький лужок: / На лужку гуляет миленький дружок» [37]; «Мой милый — хороший, белый, кудреватый, / К садику подъезжает, — садик зеленеет, / Садик зеленее, девушка — веселее, / целовать милее» [57].

Интересно, что именно нахождение в пространстве зеленого мира, а не прохождение сквозь него, характеризует счастливую любовь, взаимные чувства: «Пошла в зелен сад гулять, — / к милому зашла, / Пошли сели на траву, / Под яблонькой, во саду» [13]. Иное дело, когда декоративный растительный фон описывает сквозное движение героев или движение вдоль, словно мимо счастья, мимо любви: «Во чистом поле гуляла, / Во чистом поле при долине, / на зеленом лугу, / По-край речки, по край-быстрой, / На крутеньком берегу. / Во реченьку посмотрю... / Идет милый мой дружок, / Машет правой рукой, / “Перейди, сударушка, на мою сторонушку!” / — Рада бы я перешла — / Переходу не нашла...» [18]; «Лугом-лугом зеленым, / Там коляска ехала: / Во коляске девица. / Сколько девка ехала, / Вдвое-втрое плакала, / На свой перстень гляючи» [46].

Итак, «невозможно представить себе русскую народную лирическую песню без символов, в которых косвенно воплотились эстетические идеалы народа» [4].

Литература

1. Великорусские народные песни: В 7 т. / изд. проф. А.И. Соболевским. СПб., 1895—1902. Т. IV. Далее в скобках указывается номер песни.
2. Колпакова Н.П. Русская народная бытовая песня. М.—Л., 1962. С. 217—218.
3. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. М., 2004. С. 541; С. 13.
4. Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику: учебное пособие. М., 2010.
5. Абызов Ю.И. Латышские дайны. Рига, 1984. С. 288.
6. Эстетика: Словарь / Под общ. ред. А.А. Беляева и др. М., 1989.

Санкт-Петербургский государственный университет